Блажен, кто, странствуя подобно Одиссею, Ощутил крепость канатов любви,

Напряжение тела, натяжение жил.

Той любви неумолчной, победительной, долговечной,

Что, однажды родившись, не скоротечна.

Да поможет мне бог в час великого торжества Выразить суть любви!

Слышу голос её на чужбине — словно буря ревёт вдали.

Вновь встаёт предо мною тень Одиссея:

Глаза красны от солёной пены, от желания увидать скорей Дым очага родного и пса одряхлевшего в ожидании у дверей.

Вот он стоит высокий, роняющий в поседелую бороду

Слова архаичного языка,

Ладони в мозолях от снастей и кормила;

Кожу иссушили ветры, зной и снега.

Он хочет спасти нас от сверхчеловека-Циклопа,

Видящего одним глазом,

От сирен, поющих песни забвенья,

От Сциллы и Харибды, пожирающих целиком,

И от прочих дивных чудовищ,

Чтобы мы не забыли, как духом и во плоти,

Был он роком по миру влеком.

Велик Одиссей – по его наущенью ахейцы

Деревянного смастерили коня и овладели Троей.

Теперь он учит меня, как сделать такого коня

И овладеть внутренней Троей.

Он говорит тихо, ясно и без усилий;

Так говорил бы со мной отец или старый рыбак, Который в пору моего детства, опершись на сеть,

Под аккомпанемент зимней стужи пел об Эротокрите — Слеза в глазу и в горле ком.

Я размышлял потом о злосчастной судьбе

Аретусы, сходящей по мраморной лестнице,

И забывался тревожным сном.

Он говорит, что наша память — парус, а душа — кормило.

И страшно по смерти подобно плевелам на току

Оказаться брошенным, сирым.

Горечь потери друзей, уходящих в пучину один за другим! Нелепо учиться мужеству у мёртвых,

Когда не можешь обратиться к живым.

Он говорит, а я слежу за его руками, умевшими без заноз

Проверить, добротно ли вырезана фигура на носу корабля.

От него исходит тепло безмятежного синего моря Посреди января.